

П. В. ФЛОРЕНСКИЙ

Судьба двух идей

1. ПЕРЕСЕЧЕНИЕ СУДЕБ...

П. А. Флоренский был младше В. И. Вернадского на 19 лет. Учился в Московском университете на математическом факультете, а Владимир Иванович преподавал там на естественном. <...>

В школе П. А. Флоренский изучал и хорошо знал минералогию, — а ее читал Владимир Иванович.

В 1921 году В. И. Вернадский — ректор Таврического университета в Симферополе. Ученый позднее писал: «Предлагали уехать с английским кораблем, но я отказался. Это — один из главных поворотов моей жизни...»

Вернадский был знаком с одним из основных трудов Флоренского: «27 февраля 1921 г. Ст. Лозовая. <...> Теперь начал читать Флоренского “Оплот (описка: надо «Столп») и утверждение истины”. Книга, кажется, очень интересная. Я страшно ценю самостоятельное творчество, какую бы форму оно ни принимало. Здесь чувствуется сильная и оригинальная личность».

Будучи за границей (1922—1925 гг.) в Сорбонне, Вернадский читает лекции, в которых разрабатывается концепция ноосферы. Французский ученый Э. Леруа под влиянием этих лекций предлагает по аналогии с термином «биосфера» термин «ноосфера», то есть сфера разума. Вернадский опубликовал мысли о ноосфере лишь в 1944 году в работе «Несколько слов о ноосфере». Отклик Флоренского, о котором речь пойдет ниже, опубликован в 1983 году — через 54 года после написания.

Даже не посвященный в богословские тонкости читатель увидит сходство в этих размышлениях. Расхождение касается места человечества и роли его в собственной эволюции, его будущим. Эволюционисты исходили из дарвиновских представлений:

«Человек — не что иное, как эволюция, осознавшая саму себя». Русская же религиозная философия говорит о другом: «Вся тварь тоскует в цепях истления». Вся природа есть портрет Всевышнего, совершеннейший и полный. Природа в Боге; Бог — около нас, кругом нас. Апостол Павел говорит: «...тварь с надеждой ожидает откровения сынов Божиих: знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучается донныне» (Рим. 18, 22). Следовательно, вся тварь, включая человека, одного происхождения. «Его объективность (человека. — П. В. Ф.) — богоданная тварь», — писал П. А. Флоренский. В 1917 году он повторяет, что «земная природа — лишь подножие Храма Божия, а человек — полный конспект мира».

Обращаясь к В. И. Вернадскому, Павел Александрович пишет: «Человек есть бесконечность. Но не за формальный признак бесконечности человек и мир могут почитаться взаимоотношающимися друг друга; между человеком и средою есть действительное подобие, часть части, сторона стороне, разрез разрезу. В Среде нет ничего такого, что в сокращенном виде, в зачатке хотя бы, не имелось бы у Человека; и в Человеке нет ничего такого, что в увеличенных, скажем временно, размерах, но разрозненно, не имелось бы у Среды. Человек есть сумма Мира, сокращенный конспект его; мир есть раскрытие человека, проекция его».

Далее П. А. Флоренский размышляет: «Конечно, проще всего было бы доказать эту мысль, опираясь на данные современного естествознания, — имею в виду преимущественно современную биологию. Но переменчивые с каждым ветром времени, и притом в нынешнее время переменчивые ускоренно, естественно-научные положения были бы слишком малопрочным фундаментом философской антропологии; несравненно надежнее в этом смысле основные инварианты лирики, а тем более — незыблемо прочные символы религии: ведь вопреки тому, что полагают обычно среди науковеров, научные “истины” весьма недолговечны и ускорительным процессом современной науки делаются все более недолговечными, а кроме того — чрезвычайно субъективны, хотя и не индивидуально-субъективны, а группово-кружковски, не говоря уже об узости их, определяемой применительно в области лишь отдельных дисциплин и ветвей дисциплины. Напротив, истины и символы религии всечеловечны и всеисторичны, в основе своей вселенски понятны и вселенски же приемлемы, оставаясь устойчивой осью истории и, подобно радуге, не сдуваемые вихрями времени. И моя глубочайшая уверенность, что если высказываемые здесь мысли бу-

дут обоснованы на признаниях религии и поэзии, то навсегда этим мыслям обеспечена современность и всякая живая душа найдет в себе им отклик, тогда как обоснования естественно-зрительные уже лет через двадцать будут наивны и приблизительны, как смешная старомодная шляпа».

Приведенный отрывок делает понятным, почему П. А. Флоренского не устраивали перспективы жизни в русле дарвинистской эволюционной структуры мира и он не видел прогрессирующего одухотворения в человечестве. Не признавая направленной эволюции человека, он усматривал *смену интересов* и устремлений человечества в поисках *целостной картины* мира. Его работы наполняют мысли о формировании нового мировоззрения, которому предшествует наступивший крах «возрожденского» отношения к миру. <...> П. А. Флоренский считал, что человек есть труд, его мысль — не стороннее явление, наблюдающее и трансформирующее природу, а неотъемлемая, главная часть мира. И его мера. <...>

2. ДИАЛОГИ О НООСФЕРЕ

Первое из известных писем П. А. Флоренского к Вернадскому отправлено вскоре после возвращения последнего из-за рубежа, в 1927 году.

Второе письмо написано 21 сентября 1929 года. К этому времени П. А. Флоренский отбыл первую, краткую, ссылку в Нижнем Новгороде (лето 1928 г.). В письме, исходя из идеи Вернадского о биосфере, он высказывает «мысль о существовании в биосфере или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать пневмосферой, то есть о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или, точнее, в круговорот духа»¹. <...>

В ответном письме от 13 октября того же 1929 года Владимир Иванович отвечал: «Мне кажется, что сейчас мы переживаем очень ответственный перелом в научном мировоззрении. Впервые в научном мировоззрении должно войти явление жизни, и, может быть, мы подойдем к ослаблению того противоречия, какое наблюдается между научным представлением о Космосе и философским или религиозным его постижением. Ведь сейчас все дорого для человечества не находит в нем — научном образе Космоса — места».

Приведенные строки — практически дословное повторение чрезвычайно важной статьи В. И. Вернадского «Изучение яв-

ления жизни и новая физика», написанной в 1929 году. Снова «прослушиваются» параллельные места в не опубликованных тогда работах П. А. Флоренского и в цитированном выше отрывке из «Итогов» (1921 г.). Позже — 8—17 февраля 1935 года — П. А. Флоренский напишет из Соловецкого лагеря сыну — К. П. Флоренскому — о Вернадском: «...большинство мыслей, им высказываемых, очень созвучны мне, я думал о том же, хотя подходил с несколько иных отправных пунктов...» «Несколько иные отправные пункты» — это осторожная формулировка. Не иные, а диаметрально противоположные! <...>

Итак, то, что мы теперь называем *ноосферой*, стало точкой пересечения двух, казалось бы, независимых сфер интересов двух мыслителей. Формулировка же идеи о *пневматосфере* — хронологически одна из последних концепций, высказанных П. А. Флоренским. В них он синтезировал в едином понятии свои религиозно-философские и естественно-научные воззрения.

* * *

25 февраля 1933 года П. А. Флоренский был арестован, а 26 июля репрессирован сроком на 10 лет. 16 августа 1934 года его неожиданно перевели под конвоем сначала в Кемь, а потом в Соловецкий лагерь.

Отсюда П. А. Флоренский писал В. И. Вернадскому не непосредственно, а через свою жену и сыновей — будущих геологов Василия Павловича (1911—1956) и Кирилла Павловича (1915—1982). В этих письмах, хранящихся в архиве семьи Флоренских, есть и характеристики В. И. Вернадского: мало кто так понимал его значение и, с другой стороны, ни о ком с таким уважением, граничащим с благоговением, не отзывался П. А. Флоренский: «...он единственный у нас ученый, мыслящий глубоко в области круговорота веществ в земной коре, и один из самых глубоких натуралистов нашего времени в мировом масштабе...»

В архиве В. И. Вернадского сохранилась копия большого письма от 4 апреля 1936 года, переписанного рукой жены Павла Александровича, Анной Михайловной, и выверенного К. П. Флоренским. Оно содержит изложение представлений П. А. Флоренского о значении асимметрических явлений в процессах, происходящих в биосфере, о пространстве—времени. Эти вопросы серьезно интересовали В. И. Вернадского. Так вот, заканчивая письмо, П. А. Флоренский пишет: «...очередные задачи гелиологии² получил, поблагодари. Как и всегда у этого автора, его работа затрагивает вопросы чрезвычайной важности и, как обыч-

но для него, носит планирующий характер, больше ставя задач, чем решая их, решая же несколько схематически. Вероятно, в изложении, чтобы не делать из статьи тома. Такое изложение, конечно, предотвращает возможные ошибки и избавляет от нареканий и остроты борьбы. Но автор слишком большой человек, чтобы ему стоило бояться ошибок или возражений. Его мысли, хотя бы и предварительные, его догадки должны быть закреплены хотя бы ввиду его возраста. Бездоказательная догадка такого исследователя стоит десятков исследований с доказательствами большинства других. К тому же то, что завтра будет признано ошибочным, послезавтра подтвердится, и автору это известно лучше, чем многим...»

Из приведенного отрывка ясно, что В. И. Вернадский послал письма и свои выходящие работы П. А. Флоренскому по адресу, хранящемуся у него в архиве: «Мурманская ж. д.; станция Кемь, п/о Попов остров, 8-е Соловецкое отделение Б. Б. К., Павлу Александровичу Флоренскому».

П. А. Флоренский был далеко не единственный, кому В. И. Вернадский писал в места заключения, кому пытался — и нередко успешно — помочь³.

3. ЭПИЛОГ И ПРОЛОГ

Подведем предварительные итоги. Учение о наступающем новом геологическом этапе развития Земли, когда разумный труд преобразует биосферу, — плод размышлений Вернадского. Современность осмысливалась им с позиций биосферного и ноосферного подхода к человеческой деятельности. Так он логично пришел к идее о государственном объединении усилий всего человечества.

А вот что писал Флоренский в уже цитированном письме к Вернадскому от 21 сентября 1929 года: «Переходя на новый путь и провозглашая “верность Земле”, т. е. биосферическому опыту, мы должны настаивать на категориальном характере понятия жизни, т. е. коренном и, во всяком случае, невыводимом из наивных моделей механики факте жизни, но, наоборот, их порождающем. Теперь мы — экономические материалисты; так вот, механические модели есть не что иное, как надстройка над устарелой формой хозяйства, давно превзойденной промышленностью, и потому, следовательно, эти модели ничуть не соответствуют экономике настоящего момента. Скажу больше, они общественно и экономически вредны, как ведущие к реакцион-

ной экономической мысли и, следовательно, задерживающие и искажающие развитие промышленности...»

Флоренский фактически предсказывает направления развития промышленности: «...промышленность будущего, и может быть близкого будущего, станет биопромышленностью, что за электротехникой, почти сменившей паротехнику, идет биотехника и что в соответствии с этим химия и физика будут перестроены, как биохимия и биофизика». Мыслитель высказывает убеждение в том, что открытие Вернадского должно «повести к эмпирическим поискам каких-то биоформ и биоотношений в недрах самой материи, и в этом смысле желание подойти к этому вопросу только из моделей наличных, т. е. пассивно в отношении учения о материи, а не активно, может быть тормозящим развитие знания и реакционным».

Пневматосфера П. А. Флоренского, понимаемая как вещество, проработанное духом через творческую деятельность, показывает, что учение о ноосфере не исключает других подходов к осмыслению роли и места человека на земле.

